

ИНТЕРВЬЮ С НЕМЕЦКИМ ТАНКИСТОМ РОЛЬФОМ ХЕРТЕНШТАЙНОМ

Рольф Хертенштайн (Rolf Hertenstein) родился во Франкфурте-на-Майне и вырос в городе Бад Хомбург. Его отец был участником ПМВ, родители были хозяевами второго по размеру отеля в городе. Они были консерваторами, не относившимися к какой-либо политической партии, но симпатизировавшими Гитлеру. [Великая Депрессия](#) не сказалась сильно на благосостоянии его семьи.

Хертенштайн был бойскаутом/pfadfinder, потом вступил в [Гитлерюгенд](#) и принимал участие в Нюрнбергских съездах, но позднее потерял интерес к этой организации. Получив водительские права, он записался в [Имперскую Службу Труда](#) (RAD – Reichsarbeitsdienst), где провел какое-то время, после чего добровольно пошел служить в армию, записавшись в танковые войска. Принимал участие в [аншлюсе Австрии](#) и в занятии [Судетских земель](#). По его воспоминаниям, второе вторжение в Чехословакию в марте 1939 года было встречено местным населением с меньшим энтузиазмом, чем первые две аннексии, но не враждебно. В дальнейшем Хертенштайн принимал участие в [Польской](#) (1939) и [Французской](#) (1940) кампаниях. В 1941-м принял участие в операции [Barbarossa](#).

Польша и Франция – 1939-1940

Немецкие танки в первые дни вторжения в Польшу. На переднем плане – боевая машина Pz. I

Во время вторжения в Польшу Вы получили свой первый боевой опыт. Расскажите о нем...

Не припоминаю, были ли у нас какие-либо бои в первый день. В тот момент я был унтер-офицером и наводчиком экипажа Pz. IV. В нем было 5 человек, командиром танка был

лейтенант Хайнц Майер (Heinz Meyer), он же был командиром взвода. У меня было забавное чувство, когда мы первый раз пошли в атаку. Цветов в Польше нам не бросали, дела пошли серьезные. Мы начали к югу от Krakowa и двинулись на восток в направлении Lvova (в тексте – Лемберг - ВК). Польские дороги были не столь хороши по сравнению с немецкими. У них было меньше дорог с покрытием. В то время Польша была в большей степени страной сельскохозяйственной, чем промышленной. Я живо помню нашу первую дуэль с польской противотанковой пушкой в первый или второй день боев. Она была довольно хорошо замаскирована на краю леса метрах в 600 или 700 от нас. Они выстрелили по нам, но промахнулись. Теперь вопрос стоял так: кто первый выстрелит точно? Я видел дульную вспышку от их выстрела, и мой второй выстрел попал в цель.

3-й Танковый Полк был нашим соседом по дивизии, и они в тот день или на следующий понесли тяжелые потери. Полагаю, на второй день войны они дрались против польской офицерской школы. Эти поляки сражались с большим ожесточением.

Мало что написано о Польской кампании на английском, а многое из того, что доступно, оставляет такое впечатление, что немцы просто прокатились, не встречая сопротивления. Судя по Вашим словам, не всегда было именно так...

Как-то ночью близ Lvova наша рота должна была выйти на разведочное патрулирование. Это было делом крайне необычным, потому что мы из своих машин мало что могли разглядеть в темноте. Уже не помню причину для выхода в ночной патруль. Перед нами шел танк Pz. II, которым командовал лейтенант постарше нас: он пришел из резерва, - лейтенант Штриглер (Striegler), ветеран ПМВ. Ночь была очень темной, хоть глаз коли. Мы двигались по дороге какое-то время, и тут совершенно неожиданно нас осветил луч прожектора. Он нас ослепил, но не помню, стреляли по нам или нет. Штриглер прокричал нам, чтобы мы открывали огонь, но я сказал лейтенанту Майеру, что не могу стрелять, потому что могу попасть в танк впереди меня. Тот танк должен был сдвинуться в сторону. Майер сказал им, чтобы они смеялись, но, когда они то сделали, их машина свалилась в канаву и потеряла одну из гусениц. К этому моменту у меня уже был хороший обзор. Я сделал выстрел из пушки и выпустил очередь из пулемета. Свет прожектора погас, и на этом все кончилось. Не думаю, что мы продвинулись еще дальше в ту ночь, с той стороны никто по нам так и не выстрелил. Предполагаю, что там была какая-то польская часть с прожектором, который использовался, вероятно, зенитной батареей.

Были ли у Вас еще стычки с противником?

Позднее, в тот же день, нас снова подняли по тревоге, и мы двинулись в другом направлении, туда, где были какие-то польские части, прорывавшиеся на юг. В деревне, расположенной неподалеку, наша рота снабжения была атакована поляками, туда нас и отправили. На главной улице были пожары, солдаты стреляли во все стороны, там было много мертвых лошадей. Я всегда чувствовал сострадание к этим несчастным животным: когда умирают лошади, их трупы через какое-то время раздуваются, и их вид – не самая лучшая картина. Наш танк был на левой стороне дороги, на другой был Pz. III, который был сходным с нашим по размеру, но у него была пушка поменьше – 37-миллиметровка. Этим танком командовал лейтенант Вайхсельбаум (Weichselbaum). Обе машины продвигались вперед, стоял туман, вокруг нас все было задымлено из-за огня, охватившего соломенные крыши. Неожиданно сквозь туман и дым, прямо напротив нас, мы увидели вспышку. Между нашими двумя танками, находившимися друг о друга в 4-5 футах, пролетел польский снаряд. Лейтенант Майер приказал мне открыть огонь, но я сказал ему, что не вижу противника. Моя башня была повернута прямо по курсу – на 12 часов, но, когда я повернул ее чуть-чуть влево, то увидел еще одну дульную вспышку. И снова снаряд пролетел между двумя танками, не задев нас. Я выстрелил, и все стихло. Через какое-то время мы осторожно тронулись вперед. На обочине дороги мы увидели польскую 37-миллиметровую противотанковую пушку и убитых солдат из ее расчета. Заряжающий, похоже, был убит, когда вставлял в казенник следующий снаряд, и он вполне мог оказаться гибельным для нас. Это – одна из боевых ситуаций, в которых я побывал во время Польской кампании.

Несмотря на имевшее место сопротивление, та кампания была потрясающим успехом: Польская армия была разгромлена за три недели. Чем эта кампания закончилась для Вас?

Мы были близ Львова, в тот момент войны для нас окончилась. Мы должны были вернуться назад, потому что зашли за разделительную линию между нами и русскими. Сами мы русских ни разу не видели, так что прямых контактов у нас с ними не было. За время кампании я принял участие примерно в шести атаках. Так или иначе, это была короткая война. После нее мы вернулись в Вену.

Были ли моменты падения боевого духа у людей вокруг Вас?

Наш боевой дух был на высочайшем уровне. Когда вы видите фотографии начального этапа ВМВ, на которых запечатлено, как солдат встречают цветами, а сами они довольны тем, что находятся на войне, я скажу: для нас это было не так. Мы рассуждали так: «Ну что, идет война. Мы на ней, чтобы сражаться.» Не скажу, что мы были в радостном возбуждении, нам войны была не нужна, потому что каждый из нас мог стать одной из ее жертв. Нам приказали сражаться, и мы делали то, что было положено.

Вторжение в Польшу было первым испытанием для бронетехники, которую Германия создавала между двумя войнами. Что Вы можете сказать о том, как проявили себя танки Pz. I, II, III и IV в боевых условиях?

На тот момент они отвечали требованиям. Как я уже говорил, я воевал на танке Pz. IV, самом тяжелом из тех, которыми мы располагали в то время. Большая часть наших машин была представлена Pz. I, экипаж которых состоял из двух человек (механик-водитель и наводчик), у него было два башенных пулемета. Весили они 6 или 7 тонн, броня у них была относительно тонкой – она едва выдерживала стрельбу из винтовки или пулемета. Pz. II был немного получше. Он весил около 10 тонн, в экипаже было три человека, он включал радиста, который сидел сзади. У него были 20-мм автоматическая пушка и пулемет в башне. Мне он не очень нравился. Мы получили первые Pz. III и Pz. IV летом 1938-го после того, как аннексировали Австрию. Первоначально в нашей роте было три Pz. III и три Pz. IV. Я был в 5-й Роте нашего полка. Она называла *ротой тяжелых танков*. Первое время у Pz. III была 37-мм пушка, которую позднее сменили пушкой помощнее – 50-мм. Изначально он весил около 20 тонн. Некоторые версии располагали двумя башенными пулеметами, еще один пулемет был у радиста. Калибр пушки у него был такой же, что и противотанковых, считалось, что ее снаряды должны были пробивать броню. Изначально Pz. IV играл в боевых действиях роль танка поддержки. Концепция его использования заключалась в том, что этот танк со своей 75-миллиметровкой должен был противодействовать артиллерию более тяжелых калибров, которая была у противника. То есть, они должны были занять огневые позиции и прикрывать более легкие танки. У нас было три разных типов снарядов для 75-миллиметровок: фугасные, бронебойные и дымовые. Наши машины Pz. III и Pz. IV превосходили, все, чем располагали поляки. У них было меньше танков, чем у нас. У них был танк, весивший 8-10 тонн и вооруженный 37-миллиметровкой. Думаю, это была копия британского танка.

Как Вы оцениваете [боевые качества] поляков в ходе той кампании?

В общем, поляки дрались хорошо, но их техника была гораздо хуже нашей. У них просто не было шансов. Их авиация была выбита на самом раннем этапе войны. Польские танки были на уровне наших маленьких Pz. I, а против наших Pz. IV от них было мало толку. Броня у Pz. IV была не очень толстой, но у четверки была 75-мм пушка – намного больше, чем у любой из польских машин.

Ваш вождь Адольф Гитлер и его правительство начало войну. Что Вы и люди вокруг Вас думали о нацистах в то время? Симпатизировали ли Вы им?

На тот момент большинство из нас их поддерживало, насколько мы могли мыслить политически. Мы были не сильно политически индоктринированы, но что-то было. До войны мы должны были отслужить два года в вооруженных силах. Большинство из нас охотно шли на двухлетнюю службу, кроме того, мы служили своей стране.

Чтобы оправдать вторжение, Гитлер использовал эсэсовцев, одетых в польскую военную форму, для [нападения на радиостанцию в Гляйвице](#). Чтобы картина выглядела более реалистично, там были убиты заключенные из концлагерей, одетые в польскую униформу. Насколько большинство из тех солдат, с которыми Вы служили, поверили в эту провокацию?

Да, я в то время так и думал.

Стало ли для Вас шоком объявление войны [Германии] Францией и Великобританией 3 сентября 1939 года?

Мы были удивлены и огорчены этим. Мы не понимали того, что делают наши лидеры. В тот момент мы надеялись, что война прекратится до того, как распространится широко. В Польше она окончилась довольно быстро...

2-я Танковая Дивизия вернулась в место постоянной дислокации в Вене после завершения кампании, но произошло это незадолго до того, как она была перемещена западнее для вторжения во Францию. Как была реорганизована Ваша часть для вторжения и соблюдались ли какие-либо меры предосторожности в ходе концентрации войск у границы?

Я получил звание лейтенанта и состоявшую из двух *Pz. IV* половину взвода в подчинение. На тот момент наша рота тяжелых танков состояла из четырех взводов с пятью танками в каждом из них. Моим взводным был человек, который когда-то взял меня на службу и который был моим командиром в Польше. Не помню, соблюдали ли мы какие-либо меры предосторожности, чтобы остаться незамеченными противником, когда двигались на своих танках к западной границе.

Столкнулся ли 19-й Моторизованный Корпус Гудериана, в который входила 2-я Танковая Дивизия, с существенным сопротивлением в начале вторжения 10 мая 1940 года?

В первый день вторжения мы прокатились через Люксембург и через юго-восточный угол Бельгии, затем вышли к городу Седан, расположенному на реке Мёз (Маас). Там, на восточном берегу реки, нам пришлось ждать какое-то время. Французы взорвали мосты, и мы не могли переправиться через реку. До того момента мы ни разу не вступали в бой. Мы стояли на высотах, господствующих на Седаном, пока *Штуки* непрерывно атаковали французские позиции. Одна их группа сбрасывала бомбы, пока другие возвращались домой или приближались к целям. Они бомбили целый день, старясь размягчить оборону противника. На *Штуках* были сирены, которые выли во время их пикирования, что вызывало у противника панику как во Франции, так и в Польше.

Панцеры вышли к реке Мёз через два дня после начала вторжения, и эта природная преграда надолго вас не задержала. Можете ли вы описать то, что произошло, когда наступление возобновилось?

Мы переправились через Мёз после того, как пехотинцы навели через него мост. Потом мы пробились через полосу укреплений – северный фланг знаменитой [Линии Мажино](#). Там у французов были самые разные виды ДОТов. В некоторых были пушки разных калибров, в других – пулеметы. Там было довольно страшно. Не помню, какие мы понесли там потери. Мы пытались использовать наши 75-миллиметровки против всего того, что стреляло в нас,

независимо от того, что это было. Мы старались попасть в амбразуры ДОТов, и мы не могли обогнуть их, чтобы подавить их огнем с тыла. Боя были ожесточенными. Мы медленно пробивались через полосу укреплений. Наши дуэли с теми, кто засел в ДОТах, велись с разных дистанций: от нескольких сотен метров до десятков метров. Все зависело от того, когда мы замечали их или когда они открывали по нам огонь. Некоторые из них были очень хорошо замаскированы. Не помню, насколько близко была шедшая за нами пехота или насколько мощной была поддержка с воздуха, когда мы в лоб атаковали эти укрепления. Само собой, мы не использовали наши танки для зачистки этих ДОТов: это делала пехота. Не могу сказать, сколько ДОТов поразил или подавил, но бой шел целый день, и мы были под сильным огнем французской артиллерии в поздние послеполуденные часы и вечером. *Линия Мажино* могла быть эффективной в войне типа ПМВ, но, как показала наша атака, в условиях современной войны она утратила большую часть своей эффективности.

Французы и британцы были потрясены тем, как быстро широко рекламированная *Линия Мажино* была прорвана. С каким сопротивлением вы столкнулись после того, как вы пробились через полосу бетонных укреплений

На следующий день после прорыва мы устремились к Ла-Маншу. Мы не вступали в сколько-нибудь серьезные бои после того, как вырвались на открытое пространство, - мы просто продвигались вперед.

Скорость осуществления боевых операций была впечатляющей. Немецкие войска за считанные дни прошли больше, чем их предшественники за годы кровопролитного противостояния за 20 лет до этого. Были ли у вас проблемы со скоростью продвижения?

Был момент [15 мая], когда мы должны были остановиться, потому что какие-то сильные британские части приближались с бельгийской стороны. Позднее я слышал, что это Гитлер хотел, чтобы мы приостановили наступление. Генерал Гудериан встретился с генерал-полковником Рундштедтом, командующим нашей армейской группой, и сообщил, что он должен провести кое-какую рекогносцировку большими силами, чтобы обеспечить дальнейшее продвижение. Это было именно тем, что мы потом сделали – рекогносцировка большими силами! Мы прорвались на такую глубину, что захватили британский склад и разжились хорошими британскими сигаретами. Французские сигареты были отвратительными... В другом месте мы вошли в какой-то город, так у британцев под рукой даже не было боевых снарядов! Были только холостые, потому что они просто не ожидали, что мы продвинемся вперед настолько быстро. Мы вышли к проливу в районе Абвиля/Abbeville 20 мая. Моя рота, как и вся моя часть, была на острие наступления весь этот день. Милях в 10-15 от Абвиля у нас кончился бензин. Наш 1-й Батальон, который следовал за нами, вырвался вперед и первым прибыл на место. Им досталась вся слава, связанная с взятием Абвиля. Нам это не понравилось, но что мы могли сделать?

Занятие Абвиля отрезало французские 1-ю и 7-ю армии и Британский Экспедиционный Корпус в районе Дюнкерка и положило конец всем надеждам союзников на спасение Франции. Куда вы направились после этого?

Мы повернули на север. В Невшатель/Neufchâtel-en-Bray, небольшом городке к югу от Булони, мы вступили в ожесточенный бой. Наша 7-я Рота, оснащенная машинами *Pz. III*, вышла к дорожному перекрестку и попала под огонь с двух сторон. Противник подбил то ли один, то ли несколько танков *Pz. III*. Наша рота шла за 7-й, поэтому мы получили приказ сместиться влево от участка, на котором она вела бой. Мы попытались обойти сзади вражескую противотанковую пушку. Я был в головном танке нашей роты, так что смеялся влево и покатился по улице, параллельной той, по которой мы продвигались до этого. Французы перегородили ее баррикадой из легковых автомобилей. Улица была не особенно широкой. Мы остановили танк напротив баррикады и стали думать, что делать дальше.

Потом командир роты передал по радио: «Чего вы ждете? Въезжайте на баррикаду!» Ну что, поехали вперед. Мы вползли на гребень баррикады, танк наш весил 20 с чем-то тонн, - она просела, и мы покатились дальше. Я выехал к перекрестку и осторожно высунул передок танка из-за угла соседнего дома. Французы немедленно влепили снаряд противотанковой пушки в этот угол. Я попробовал еще раз, но стоило мне высунуть нос танка, они стреляли еще до того, как я успевал что-либо разглядеть. Сделал три попытки, но ни к чему это не привело. Я доложил об этом по радио командиру роты. Он приказал мне вернуться и сместиться дальше влево. К сожалению, я не мог развернуть свой танк, потому что улица была слишком узкой, так что мне пришлось сдавать назад. Как только я снова переехал через баррикаду, мой танк потерял ход. Что мы ни пытались сделать – ничего не помогало, так что мы так там и застряли. Я доложил, что наш танк обездвижен, и нам приказали оставаться на месте. Так мы там и сидели, пока рота наступала...

Ваш танк сломался, и Вы остались сами по себе в глубине вражеских позиций. Должно быть, вы чувствовали себя очень одиноко. И что Вы потом стали делать?

Через какое-то время мы решили посмотреть, что произошло. Я сказал заряжающему и наводчику оставаться в танке и прикрыть нас огнем. У нас был то ли один, то ли два автомата, у каждого был пистолет Люгер/Luger. Я сказал механику-водителю и радиисту выбираться наружу вместе со мной, чтобы мы смогли вместе прочесать соседние здания, потом мы выпрыгнули из танка. Пока наш наводчик вертел башней, поворачивая ее туда, куда шли мы, мы взяли в плен около 20 французов. Они выбирались из своих укрытий и сдавались, потому что знали, что надеяться им не на что. Потом мы вернулись к машине и стали смотреть, что с ней не так. В задней части танка, по обе стороны, были ленивцы. Они закреплялись на валу большими гайками, и мы увидели, что одно колесо сорвано: пулеметный огонь разнес гайку вдребезги, и его больше ничего не удерживало. Мы и не знали, что в это место были какие-то попадания, потому что, сидя в танке, не чувствовали, что по нам ведут огонь из пулемета и даже не думали о том, что он может нанести нам какие-либо повреждения. Во второй половине дня или уже вечером на место прибыли ремонтники и устранили неполадку.

Pz. IV 2-й Танковой Дивизии во Франции. 1940 год

У французов были мощные и продвинутые бронетанковые силы на ранней стадии вторжения, однако вы, как может показаться, столкнулись лишь с незначительным или нулевым сопротивлением с их стороны, и больше проблем у вас было с

французской пехотой и противотанковой артиллерией. Почему, по Вашему мнению, так случилось?

Французская концепция танковой войны отличалась от нашей. Наша философия была атакующей: атака – лучший вид обороны, так что наши танковые дивизии были организованы в этом ключе. У нас были самодостаточные дивизии, которые располагали всем необходимым для прорыва вражеской обороны и дальнейшего продвижения вперед, в то время как части других родов войск должны были действовать на флангах и предоставлять нам прикрытие на более позднем этапе. Однажды мы видели самые тяжелые французские танки. Полагаю, это были машины *Char B.2*. Это были монстры – крупнейшие танки из когда-либо увиденных мной. Их броня выглядела очень толстой, и наши пушки не просто могли пробить ее. Мы пробивали броню танков *Renault 35B* или каких-то еще из тех, что у них были. Сражаясь против этих машин, мы с этими и вправду большими монстрами не сталкивались.

Хотя занятие Абвиля решило судьбу французов и британцев, попавших в Дюнкеркскую ловушку, сами Вы не видели, как город был взят 4 июня. Что в тот момент делала 2-я Танковая Дивизия?

Мы продолжили марш на Булонь, которую противник оборонял с большим упорством. Под Булонь прибыла наиболее тяжелая немецкая артиллерия из когда-либо увиденной мной. Там были мортиры, которые вели огонь по городской крепости, расположенной на холме. Я там в каких-то стычках участвовал, но деталей не помню. Наша артиллерия молотила по крепости, и город пал. Дальше на север, туда, где разворачивались бои близ Дюнкерка, мы не пошли. Гитлер не хотел использовать там свои *панцеры*, поскольку, по его представлениям, эта местность не подходила для них. Нас отвели в район Шампани, к северу от Реймса, и мы стали готовиться к решающему удару. Оттуда мы двинулись на юг и закончили марш близ швейцарской границы. День или два мы атаковали [Линию Вейгана](#), где имели место тяжелые бои. Французы там на скорую руку возвели полевые укрепления – не тот тип, с которым мы столкнулись на *Линии Мажино*. Несколько раз мы попадали под сильный огонь артиллерии. В итоге, мы прорвались так же, как и в прошлый раз. Ну а потом мы пошли прорыв и стали наступать довольно быстро.

Вы непрерывно были в боях с 10 мая. Должно быть, это сказалось на ваших людях и на технике...

В это время у моего танка появились технические неполадки. Дивизия повернула на северо-восток, пока мы не добрались до Безансона/Besançon и не начали продвижение к тыловой полосе *Линии Мажино*. В это же время немецкие войска переправились через Рейн и атаковали французские оборонительные позиции с востока. Находясь под ударами с обеих сторон, французы сдались, и Франция капитулировала 22 июня. Для нас это означало конец кампании.

Хотя кампания была скоротечной, время от времени вы сталкивались с ожесточенным сопротивлением. Были ли моменты, когда боевой дух войск ослабевал в свете неизбежных потерь и темпа, с которым развивались события,

Наш боевой дух был очень высок. Мы думали о ПМВ, когда были убиты сотни тысяч людей с обеих сторон. Тогда продвижение на три мили было большим достижением, а мы в лучшие дни прорыва к Ла-Маншу проходили по 60-100 миль в день.

Что Вы тогда думали о французах как противнике? Как они смотрелись по сравнению с поляками?

Французские солдаты были крепкими ребятами, но они были сильно деморализованы уже на раннем этапе. Они не знали, что делать, когда мы прорывались через их

оборонительные позиции. Это относится к нашему прорыву к Ла-Маншу, как, впрочем, и к прорыву *Линии Вейгана*. Они быстро теряли слаженность в действиях и управление войсками. Когда им удавалось остановиться и закрепиться, они обычно дрались очень хорошо, но это прослеживалось на уровне действий отдельных частей. Мало что можно сделать, чтобы остановить хорошо организованные силы противника усилиями армии, которая полностью деморализована.

Наиболее сильной критике германское командование подвергалось за то, что оно дало возможность эвакуировать более 300 000 солдат из Дюнкерка в Великобританию. Ваше часть сыграла столь значительную роль в изоляции этой группировки противника, - что Вы тогда думали об этой эвакуации?

Как это могло произойти? Это до сих пор является одним из наиболее спорных моментов в истории той войны, если не считать вопроса о том, почему Гитлер пожертвовал 6-й Армией в Сталинграде. Мы не могли поверить в происходящее. На некоторые из вопросов трудно ответить даже сейчас. Я столько всего прочел об этом и причинах, по которым мы так поступили. Трудно определиться с тем, насколько чтение исторических трудов или докладов повлияло на мою собственную память. Одно мы знали точно: противник потерял в Дюнкерке большую часть своей тяжелой техники и всего прочего. Мы не понимали, почему Геринг не появился там со своим *Люфтваффе* и *Штуками* и не выбомбил их к чертовой матери, когда они грузились на свои корабли. Я полагаю, было две причины, по которым Гитлер решил не атаковать Дюнкерк наземными силами. Во-первых, он доверял Герингу, когда тот говорил: «Я побеспокоюсь об этом, mein Führer». Геринг был бойким на язык... Между прочим, мы в чем-то завидовали *Люфтваффе*. У них было намного больше того, что мы могли себе представить, в смысле снабжения и всего прочего. Второй аргумент такой – Гитлер надеялся прийти к какому-то соглашению с Англией и поэтому не стал уничтожать Дюнкеркскую группировку. Я не знаю, до какой степени это является правдой. Мы считали, что мы должны атаковать Дюнкерк, потому что британцы были не в состоянии обороняться. Мы не приняли на все 100% тот аргумент, что местность была непроходимой для танков. Понятное дело, нас там не было. Вопрос: почему мы дали им уйти, остается открытым. В этом плане мы были разочарованы...

Даже при том, что не удалось остановить эвакуацию войск из Дюнкерка, победа во Франции была значительным достижением. Должно быть, у Вас было какое-то чувство удовлетворения по поводу того, что вы победили нацию, продиктовавшую Германии столь тяжелые условия мирного договора после окончания ПМВ?

Не знаю, можно ли сказать, что у нас было такое чувство, будто мы отомстили, когда Франции пришлось просить перемирия, но до того момента, вероятно, мы это ощущали. По меньшей мере, у нас было чувство глубокого удовлетворения от того, мы добились победы, потеряв так мало людей по сравнению с прошлой войной.

Итак, Вы приняли участие в двух успешных кампаниях и стали офицером. Вы также были награждены Железным Крестом. Помните ли Вы о каком-либо конкретном боестолкновении, за которое Вы получили эту награду, и были ли у Вас еще награды за воинскую службу?

Сегодня я уже не могу ничего сказать. Полагаю, это были за бои на *Линии Мажино*, когда мы переправились на другой берег реки Мёз. Мой дед с материнской стороны получил свой Железный Крест за взятие Седана во время Франко-Прусской войны 1870-1871 годов. Думаю, я за это и получил свою награду. Когда меня награждали, мой ротный командир сказал мне, что он уже представлял меня к Железному Кресту в Польше, но тогда это было отклонено. Лейтенант Майер получил Железные Кресты 1-го и 2-го классов за Польшу. Крестом 2-го класса награждали до представления к 1-му классу. Солдат, получивших Крест 1-го класса за Польскую кампанию, было сравнительно немного. Ну, меня просто похлопали по плечу. В общем, если командир танка получал Железный Крест

1-го класса, его наводчик получал Крест 2-го класса. Без наводчика командир танка мало что стоил в любом случае. Наводчик играл в бою значимую роль... У меня еще есть нагрудный знак За Танковую Атаку/Panzerkampfabzeichen, который вручали тем, кто принял участие в трех таких атаках. Это было, не считая наших атак в Польше, – атаки начали считать во Франции. Все люди из моего экипажа получили этот знак. Я во Франции принял участие в шести атаках...

Вы остались во Франции после завершения кампании, и у Вас был шанс насладиться плодами победы?

После той кампании мы вернулись в Вену. Там мы приняли участие в Параде Победы на наших танках. Вся 2-я Дивизия была там. Я думаю, парад был в честь нашего дивизионного командира Виеля (генерал майор Rudolph Veiel, 1883-1956). Мы проехались по широким венским проспектам, нас приветствовали довольно большие толпы.

Операция *Barbarossa*

После завершения Французской кампании Рольф Хертенштайн и его товарищи из 4-го Танкового Полка были переведены в 13-ю Танковую Дивизию. Эта изначально пехотная часть была преобразована в моторизованную дивизию к моменту вторжения в Польшу. В ходе реорганизации вооруженных сил, последовавшей за кампанией 1940 года, дивизия стала танковой. Полк Хертенштайна вился в эту часть и провел зиму 1940-1941 годов в Румынии, где дивизия проходила подготовку к следующей миссии. По воспоминаниям танкиста, немцы и румыны объяснялись друг с другом на французском языке.

13-я Дивизия не принимала участие в [Балканской кампании](#). Не могли бы Вы коротко рассказать о Вашей следующей остановке и о подготовке дивизии к предстоящему вторжению в Россию?

Весной 1941 года нас перебросили в южную часть Силезии. Мы провели там пару недель и примерно в июне стали медленно передвигаться на восток к советско-германской демаркационной линии на польской территории. Мы расположились к северо-западу от Львова в районе, где сражались в 1939-м.

Должно быть, это было в чем-то тревожное время. Знали ли Вы о том, что Советский Союз был на очереди?

Ходили самые разные слухи о том, что должно произойти дальше. Согласно одному из них, нам предстояло пройти через Украину и Кавказ в Персию, чтобы отрезать британцев от источников нефти. Предполагалось, что русские пропустят нас через свою территорию. Согласно другому, мы должны были пройти через Кавказ, Турцию и Палестину к Суэцкому каналу и перерезать его. После этого [Эрвин Роммель](#) со своим [Африканским Корпусом](#) должен был выйти на эту линию с запада через Ливию. Был момент, когда нам сказали, что многие офицеры будут переведены в офицерский резерв на случай, если мы понесем большие потери. В то время мы не думали о войне. Я был одним из тех офицеров, так что меня перевели в дивизионный штаб. Потом наступило день, когда нам сказали, что предстоит вторжение в Россию.

13-я Танковая Дивизия столкнулась с сопротивлением довольно быстро. Можете ли Вы описать те первые несколько дней?

Мы подошли к реке Случь. Это была старая польско-русская граница, пока Россия не вторглась в Польшу в 1939-м. Тут проходила так называемая *Линия Сталина* – полоса

русских укреплений. Я получил приказ отбыть в одну из пехотных дивизий, которая на следующий день должна была переправляться через Случь. Я спустился в долину этой реки к ее западному берегу. Ее русло достигало 50 метров в ширину.

Боевая машина Pz. III 13-й Танковой Дивизии. СССР, лето 1941 года

Обычно танки шли далеко впереди пехотных колонн, которые оставались позади, чтобы уничтожить очаги сопротивления противника. Должно быть, для Вас это в новинку, - увидеть пехотную операцию вблизи. Может ли Вы описать, как проходила эта атака?

Люди подготовились к прорыву оборонительной линии русских. Тот, кто командовал этим с нашей стороны, расположил на огневых позициях каждую противотанковую пушку, каждое орудие и каждую 88-миллиметровку из тех, что нашлись под рукой. У каждой пушки была своя цель: например, амбразура ДОТа и так далее. На следующее утро, на рассвете, наши инженеры переправились через реку. Они начали продвигаться вверх по склону по направлению к ДОТАм, но неожиданно русские открыли огонь. И тут разверзся ад! Каждая наша пушка открыла огонь по намеченным целям. У вас было время всего лишь на один вдох, после чего все было кончено. Все стихло, и мы не встретили, практически, никакого сопротивления. Пехота переправилась через реку и зачистила ДОТы. Моста еще не было, поэтому они переправлялись на надувных лодках.

Каким было положение на противоположном берегу после того, как войска переправились?

Через какое-то время мы услышали из частей, находившихся на том берегу, что их атакуют какие-то русские танки, поэтому им нужны противотанковые пушки, но мост через реку все еще не был наведен. Несколько небольших 37-мм противотанковых пушек были погружены на надувные лодки. Дальше их пришлось катить руками, потому что никаких машин на том берегу все еще не было. Эти 37-миллиметровки оказались бесполезными: они не могли пробить броню русских танков, так что какое-то время нам приходилось непросто. Они получили прозвище *Heeresanklopfer* (армейская машинка для стука в дверь - ВК), потому что все, что они могли сделать – это постучать по броне вражеских танков.

Согласно рапортам, это были тяжелые русские танки нового типа. Наши парни подбили несколько этих машин с помощью ручных мин или еще чего-то, что было под рукой.

Что это были за танки, с которыми столкнулась ваша пехота?

Это был первый случай, когда нас атаковали T-34. На тот момент это был лучший танк в мире, без исключений! Он весил около 26 тонн, у него была наклонная броня, которая была толще, чем у наших панцеров. У T-34 был 12-цилиндровый дизельный двигатель, мы для своих моторов использовали бензин. T-34 были быстрыми, у них были широкие гусеницы, которые позволяли им продвигаться по такому мягкому грунту, по которому наши машины не могли проехать. Для T-34 это было на раз-два.

Ваши пехотинцам повезло, что они отбили ту атаку. Как офицеру-танкисту Вам, должно быть, было интересно то, с чем они столкнулись. Была ли у Вас возможность посмотреть поближе на советские танки?

На следующее утро мы увидели T-34 [вблизи], и, парень, скажу я тебе, мы остались под впечатлением! Не забывайте, что наш Pz. IV с его короткой пушкой был нашим самым тяжелым танком. T-34 мог без проблем подбивать наши танки с 1 000 ярдов. Нашим Pz. III увеличили калибр пушки с 37 мм до 50 мм, но ствол все еще оставался коротким. Даже имея в боезапасе бронебойные снаряды, Pz. III также не имел шансов [против T-34].

Какое решение этой проблемы предложил Вермахт?

Был внедрен новый вид противотанкового боеприпаса: [кумулятивный снаряд](#). Наконечник у него был пустым внутри, пороховой заряд по форме представлял собой [кумулятивную] воронку. Когда такой снаряд ударялся о броню, инициирующий заряд приводил в действие основной заряд, и вся сила взрыва концентрировалась в одном направлении. Он словно прожигал дыру в броне. Снаружи в ней было видно небольшое отверстие, но внутри танка осколки летели во всех направлениях. Давление внутри машины было таким, что обычно погибал весь экипаж, особенно, если попадание было в башню. Помню, мне говорили, что русские жаловались на эти снаряды. Они говорили, что эти боеприпасы противоречат Женевской Конвенции, но эти снаряды в то время были единственным средством, которое работало. T-34 оставался лучшим танком в мире еще немало времени в 1943-м, но потом у нас появились Тигры и Пантеры.

Вы получили большое число наград за годы войны. Маловероятно, что это произошло бы, если бы Вы остались штабным офицером. Как случилось, что Вы вернулись в боевую часть?

Мы продвигались на восток и вышли к городу Фастов, расположенному к юго-западу от Киева. Мы видели длинные колонны русских пленных, идущих в наш тыл. Я все еще был в составе дивизионного штаба, когда мы подошли к Фастову, и находился на должности офицера по логистике. По этой причине я работал в тесном контакте с генерал-майором Дювертом (Walter Düvert, 1893-1972), дивизионным командиром. Куда бы ни отправлялся генерал, я был вместе с ним. Как-то раз генерал и я были в штабе дивизии. До меня дошли сведения о том, что мой полковой командир - командир 4-го Полка - поскользнулся, стоя на кормовой части танка, и сломал предплечье, так что на какое-то время он вышел из строя. Мой бывший взвод не имел в тот момент командира. На следующее утро я проснулся в своей палатке и снова одел мою черную форму танкиста. Я сам попросил, чтобы мне разрешили принять участие в атаке в то утро. Честно говоря, одной из причин, по которой я хотел принять участие в атаке, была то, что у меня болела грудь: я хотел заработать Железный Крест 1-го класса. Мы в то время продвигались вперед столь быстро, что я было решил для себя: если я не приму участие в боях, война окончится до того, как я смогу получить эту награду. Мне просто отчаянно хотелось заработать этот Крест.

И Вы добились своего?

Я пошел в атаку на *Pz. IV*. Дело было на открытой украинской местности 19 августа 1941 года. Вокруг на многие мили простирались поля кукурузы и подсолнуха местных колхозов. Неожиданно русская артиллерийская батарея открыла по нам огонь! Они были в 200 ярдах за краем поля. Я немедленно приказал зарядить пушки фугасными снарядами, передал наводчикам расстояние и направление стрельбы. Не помню, выпустили мы по одному снаряду или больше, но русские попали в нас. Полетели искры, всюду был дым, и я крикнул своему экипажу, чтобы они выбирались из танка. Не знаю, как я сам из него выбрался: по нам со всех сторон вела огонь вражеская пехота. Где-то на том поле были русские солдаты, но мы не могли их видеть сквозь подсолнухи. Повсюду были их стрелковые ячейки, положение было непростым. Вместе со мной за танком укрылись трое членов экипажа, но наш механик-водитель куда-то пропал. У наводчика была сильно повреждена нога. Мы попытались продвинуться немного вперед, чтобы отыскать водителя, но тут в наш танк угодил второй снаряд...

Похоже, Вы разворошили гнездо шершней...

Тем временем к месту подошли другие панцеры. Потом на танке *Pz. II* прибыл наш доктор. Он позаботился о нашем наводчике и увез его в тыл. Бой стал постепенно затихать. Наш батальон теперь находился примерно в 400 ярдах впереди меня на открытом поле. Мы решили заглянуть в наш танк и посмотреть, не там ли наш водитель. Когда я открыл люк, мы увидели Вальтера все еще на его сидении, обе его руки были на рычагах. Верхнюю часть его головы – все выше нижней челюсти снесло. Снаряд попал в передок танка – сразу выше его смотровой щели. Должно быть, это был фугасный снаряд, потому что он не пробил броню. 400 метров – расстояние небольшое, а у русских были 4-дюймовые гаубицы. Разрыв снаряда вколотил стекло внутрь машины. Так вот и снесло голову нашему механику-водителю. Мы с Вальтером жили в одной комнате, когда записались в армию в 1937-м. Он был молодым пареньком с красивым баритоном, и он часто пел. Классный был малый...

Тот внезапный вражеский огонь, вероятно, затормозил атаку. Как дела пошли после этого?

Капитан Гомилле (Herbert Gomille) был командиром роты, и он принял на себя командование батальоном. Я был обер-лейтенантом в 5-й Роте и взял ее под свою команду. Конечно же, я так и не вернулся в штаб дивизии. Я остался со своей ротой и командовал ею примерно месяц.

Что произошло, когда Вы впервые для себя столкнулись в танковом бою с *T-34*?

Нам предстояло атаковать Днепропетровск. 21 августа 1941 года мы все еще находились далеко за пределами города на невысоком холме, где и попали под огонь. Ниже по склону, где-то в 1 000 ярдов от нас, была лесополоса, где стояли *T-34* – примерно такое же число машин, что и у нас. У нас оставалось примерно 30 панцеров, около десятка в каждой роте. На левом фланге была 7-я Рота с 10 *Pz. III* – ею командовал лейтенант Вайксельбаум. В центре была моя рота с примерно десятком *Pz. IV*. 8-я Рота под командованием лейтенанта Герига (Gehrig) была справа с ее десятком *Pz. III*, вооруженных 50-миллиметровками. Вражеский огонь был сконцентрирован, в основном, на нашем левом фланге, и танки 7-й Роты получили несколько попаданий. Вскоре мы получили кое-какие приказы по радио от командира батальона: в каждой машине была радио. Боевая Группа приказала нам атаковать *T-34*, которые существенно превосходили наши машины. У нас почти не было шансов без артиллерийской поддержки, это было почти самоубийством. Было только одно, что могло спасти нас...

И что это было?

Моя рота имела возможность установить дымовую завесу перед русскими, прежде чем переходить в атаку. Потом мы могли тронуться вперед на полной скорости, ведя бешеный огонь из всех пушек и пулеметов. Мы свалили снаряды рядом с заряжающим, зарядили пулеметы - изготовились к бою минут за 5-10, после чего доложили об этом. Командир батальона приказал моей роте приступить к установке дымовой завесы. В каждом танке было по три дымовых снаряда, так что мы выпустили все 30 штук. И все получилось! Потом пришел приказа командира: «Батальон, вперед на полной скорости! Увидимся там, внизу, у лесополосы или на небесах!»

Прямо похоже на [атаку Легкой Бригады...](#)

Мы, все три командира рот, приказали своим танкистам двинуться вперед на полной скорости и палить из всех стволов. Пока мы проехали ту самую тысячу ярдов, мой танк выпустил примерно 50 снарядов. Мы просто делали один выстрел за другим, не особенно беспокоясь о том, куда полетел снаряд. Когда мы приблизились к позиции русских и огляделись, то увидели последние русские танки, уходящие по небольшой долине. После этого мы углубились в лесополосу и попали под огонь пехоты со всех сторон. Пули так и звенели, отскакивая от нашей машины: *динь-динь-динь*. Само собой, они не пробивали броню. Мы сдали назад, потому что побаивались, что русские начнут подрывать ручные мины или что-то в этом роде на наших башнях. Потом пришел приказ из батальона снова наступать. Подошла наша пехота и смяла сопротивление противника.

Наверное, это восхитительное чувство, когда ты достигаешь своей цели...

Мы были просто рады тому, что русские танки ушли. Нам было интересно, почему они так поступили. Вскоре мы узнали от пленных вот что: они решили, что наша дымовая завеса – это [отравляющий] газ. По-видимому, противогазов у них не было.

13-я Дивизия была на передовой во время атаки на Днепропетровск и форсирования Днепра. Должно быть, Вы сталкивались с сопротивлением, приближаясь к этому рубежу...

[Через пару дней] перед нами оказалась еще одна лесополоса, и мы стали продвигаться в ее направлении. Когда мы подошли к ней футов на восемь, мы разглядели в ней множество русских солдат в стрелковых ячейках. Мы были так близко к ним, что не могли опустить наши пушки достаточно низко, чтобы вести по ним огонь. Я приказал своему механику-водителю сдать назад, чтобы я мог открыть оттуда огонь. Он отъехал ярда на три или четыре. Потом он крикнул во внутренне перегородочное устройство: «*Herr Leutnant*, я собираюсь проехаться по ним!» и повел машину вперед. В 10 футах от лесополосы два огненных шара ударили по танку. Внутрь него стали просачиваться какая-то горючая смесь и огонь. Командирская башенка не имела герметически закрывающегося люка, да и сам танк не был герметичен. Внутрь машины проникал дым, поэтому мы откатились назад ярдов на 20 или 30. Нам пришлось выбраться из машины, потому что мы больше не могли дышать. Мы быстро выпрыгнули из танка, находясь под спорадическим огнем пехоты. Там была плоскотина, так что укрыться было негде. По нам стреляли со всех сторон, и наше положение было не самым лучшим...

Похоже, тут должна была поработать пехота...

Через какое-то время огонь русских стал затихать: наши пехотинцы защищали местность. Мой наводчик получил легкое ранение в плечо, и покинул нас всего на пару дней. Батальон продолжил продвижение вперед.

В таких ситуациях танки, оказавшиеся без поддержки пехоты, становятся максимально уязвимыми. Удалось ли Вам узнать, чем были эти огненные шары, угодившие в Ваш танк?

Это были две снабженные запалами стеклянные бутылки с [Коктейлем Молотова](#) - смесью фосфора и бензина. Русские поджигали запал и бросали бутылку в танк. Бутылка разбивалась, горючая смесь вспыхивала и растекалась по поверхности танка. Это было очень эффективное оружие для ближнего боя. Танк потом еще долго горел – на нем горела краска. Он дымился со страшной силой и выглядел совсем плохо. Мы стояли и думали, как нам выбраться оттуда. Эта липкая жидкость из бутылок текла по нашим шеям, плечам и рукам. Был август, стояла жара, курток на нас не было, только серые рубашки. Эта жидкость обжигала, так что мы приготовили смесь из таблеток, с помощью которых мы должны были бороться с горчичным газом. Мы растворили их в чае и обтирались этим. Потом подъехал наш доктор, лейтенант Баххайбл (Bachheibl), дал нам что-то другое. Он позаботился о нас и забрал моего наводчика с собой, чтобы оказать ему первую помощь. У нас это было вроде как первое ранение, и со временем мы все получили за него нагрудный знак – *Verwundetenabzeichen*.

Так он вам оказал помощь в тылу, или вы остались рядом с танком?

Когда бой немного потих, мы попытались погасить огонь, кидая землю на машину, но, когда земля осыпалась, фосфор начинал гореть снова. Намучились мы там здорово. В итоге, огонь мы потушили и могли уже залезть вовнутрь машины. Запах все еще стоял отвратительный.

Известно, что война на Восточном фронте отличалась жестокостью. Сталкивались ли Вы с тем, что сегодня назвали бы военным преступлением?

По дороге на Мариуполь нас повернули к одной из деревень, где русские атаковали нашу снабженческую часть. Мы въехали в деревню и сначала не могли понять, почему по ней бегают какие-то немецкие солдаты с бритыми головами. У немцев в армии не было принято брить головы. Это русские так делали. Потом эти солдаты открыли по нам огонь. Чтобы рассказать об этом покороче: русская часть атаковала и захватила немецкую транспортную колонну. Вы бы видели то, как русские расправились в двумя десятками или около того немецких солдат, попавших к ним в руки! Они сняли с них форму, а потом убили - их тела были изувечены. Русские одели на себя немецкую форму, поэтому мы сначала подумали, что это наши солдаты...

Это сильно отличалось от войны, на которой вы оказались во Франции?

В том бою взяли очень немного русских пленных. Наш командир батальона приказал провести военно-полевой суд над теми пятью или шестью, попавшими к нам в руки. Их приговорили к смерти и расстреляли. Это был единственный случай за всю войну, когда я видел казнь.

Люди часто осуждают немецких солдат за их поведение в России. Что Вы могли бы сказать тем, кто счел бы приказ Вашего командира батальона военным преступлением?

Я до сих пор считаю, что это было не только единственным правильным, но и полностью оправданным решением после того, что они так обошлись с нашими солдатами. Я никогда не испытывал стыда за то, что служил в германской армии. Я не хочу сказать, что зверства [с нашей стороны] не было. Я лично верю в то, что не так уж много из них было совершено солдатами *Ваффен-СС*. Это делали эсэсовские *айнзацгруппы*, и были зверства в концлагерях. Мы не видели проявлений каких-либо зверств, и у нас не было возможности видеть это. До нас доходили слухи об *айнзацгруппах* и не более того. Я не знаю, как дело обстояло в СС, но в армии все еще было много проявлений рыцарства. Армии командовали так, как положено.

Гитлер намеревался завершить операцию *Barbarossa* до того, как осенняя погода остановит наступление. Как мы все знаем, несмотря на многочисленные победы Вермахта эта цель не была достигнута. Где были вы, когда погода обратилась против вас?

Мы наступали вдоль побережья Азовского моря от Мариуполя к Таганрогу. От Таганрога мы двинулись на северо-восток. Это была открытая местность, дело было в октябре 1941-го, и какое-то время мы просто стояли на месте. Наша часть была примерно в 800 ярдах от передовой линии пехоты. Под танками мы вырыли ямы, чтобы ночевать в них. Часто шли дожди, земля превратилась в грязь, и это было ужасно. Где-то в конце октября или начале ноября нас отвели еще дальше в тыл, в какой-то колхоз, где было много складских зданий. Мы припарковали наши *панцеры* рядом с ними и вошли вовнутрь. У этих построек были соломенные крыши, и в них было холодно. Развели костер внутри одной из построек, но было так холодно, что мы не могли заснуть. Так и просидели у костра всю ночь, свернувшись в клубок. Это пришла русская зима...

Что-нибудь Вас удивило на следующее утро?

На следующее утро гусеницы наших *панцеров* вмерзли в грязь... Нам пришлось снять гусеницы с некоторых из них и съехать с места. Потом нам пришлось вытапливать гусеницы паяльными лампами из мерзлой земли и снова надевать гусеницы на машины. Если бы русские атаковали нас в тот день, мы бы были беззащитными. По счастью, они этого не сделали...

Этот первый мороз, однако, не остановил операцию полностью...

Мы взяли Ростов, но ненадолго: русские выбили нас оттуда. Мы вернулись на оборонительные позиции в двух или трех милях к востоку от реки Миус. Эта река протекала с севера на юг к Азовскому морю, и мы встали вдоль нее.

Когда это было?

В начале декабря 1941-го, и тогда мы услышали об [атаке на Пёрл-Харбор](#). Потом мы услышали речь Гитлера по радио. Он объявил войну Соединенным Штатам, и я помню, что подумал... подчеркну слово *подумал*, потому что я не мог сказать это вслух, особенно будучи офицером: «Надеюсь, этот идиот знает, что делает!» Стоило сказать это о Гитлере вслух, и ты попадал под трибунал еще до того, как начинал понимать, что произошло...

Даже несмотря на приостановку наступления в России, до того момента все шло так, как того хотели немцы. Многие, вероятно, думали, что объявление Гитлером войны [Америке] не будет иметь значительных последствий...

Я думал, что это было идиотизмом со стороны Гитлера, - объявлять войну Соединенным Штатам. Если Америка хотела войны, надо было дать ей возможность объявить ее. Зачем нам, маленькой Германии, объявлять войну такой большой стране? Я к тому времени много прочел о ПМВ. По-моему, когда Соединенные Штаты вступили в войну в 1917-м, конец для Германии стал близок. Америка вступила в предыдущую войну с колоссальным превосходством в людских ресурсах, технике, боеприпасах и вооружениях. Я боялся того, что это случиться опять...

Вторжение в Россию продолжалось уже шесть месяцев, и войне не было конца. Что вы делали позднее?

Нас отвели еще на 10 миль или более того к еще какой-то деревне. Накануне Рождества я получил приказ снова отойти к Покровскому. Затем я доложил о прибытии командиру 7-й Роты. Он показал мне три дома, где мы должны были расположиться. Через какое-то время

командира 7-й Роты куда-то перевели, так что я принял на себя командование всей этой частью. На фронте, в целом, было спокойно, но было очень холодно: -20-30, даже -40. Снег летел почти горизонтально – дули сильные восточные ветра.

Никто не думал, что бои продолжатся в 1942-м. Насколько вы были готовы к зиме и оснащены по-зимнему?

Нам раздали плотные зимние шинели, но этого все еще было недостаточно. У нас даже не было зимней обуви. Но! Моеи части и мне повезло, потому что мы, по сути, просидели по домам всю зиму. Мы выходили наружу насколько можно реже, - только когда это было совсем необходимо. Определенно, мы не были оснащены для этой русской зимы. Я с большим сожалением думаю о наших пехотинцах, которые сидели в своих окопчиках. Как они выжили, остается для меня загадкой...

Насколько сильно холод сказывался на ваших панцерах?

Холод был для них проблемой. Как мы держали их в рабочем состоянии? У нас был антифриз, но его не было достаточно. У нашего батальона были те же трудности. Мы укрывали моторные отсеки настолько плотно, насколько это было возможно. Использовали брезент, солому и все, что было под рукой. Каждые четыре часа механики-водители или кто-то еще из экипажа залезал в машину и заводил мотор. Его гоняли чуть ли не до точки кипения, потом выключали. Так продолжалось днем и ночью. *Панцеры* жгли бензин с такой скоростью, что вы бы не поверили. Кто-то из дивизии даже сказал, что мы должны придумать что-то, чтобы снизить потребление бензина.

Вы должны были быть готовыми вступить в бой. Если вы не можете завести двигатель, что тогда?

Мы получили несколько небольших каталитических обогревателей, чтобы ставить их в моторные отсеки. В качестве теста мы разместили шесть таких обогревателей в одном из панцеров и оставили их на ночь, не включая мотор. После этого у нас ушло 24 часа на то, чтобы снова запустить его. От этих обогревателей пользы было мало. Потом нам сказали рыть для панцеров такие ямы, чтобы только башни торчали над землей - якобы так они не будут открыты холодным ветрам. Так мы не смогли даже зарыться в мерзлую землю! Нам прислали инженеров, которые попытались использовать динамитные шашки, чтобы взорвать мерзлую землю. Это тоже не сработало. В итоге, из дивизии пришел приказ продолжить использование бензина и гонять моторы.

Похоже, вы мало что могли сделать противнику в тех условиях. Как Вы поддерживали занятость среди людей и поднимали им настроение?

Мы мало что делали в ту зиму. Что мы могли сделать? Чистили пушки, шарили по швам и давили вшей. У нас были вши, и мы ничего не могли с этим поделать. Кроме того, у нас не было помещений, в котором могли бы поместиться сразу все парни из нашей части, чтобы провести какое-нибудь мероприятие. Иногда я собирал в комнате какой-нибудь один взвод на какое-то время. Играли в военные игры и пели хором. Заняться было особо нечем. Мы просто старались поддерживать нормальный образ жизни и есть и пить, когда была такая возможность. Большим событием был день, когда привозили почту. Интервалы времени между прибытием почты сильно варьировали по продолжительности. В 7-й Роте был молодой лейтенант, который хорошо играл в шахматы. Он был из Вены. Мы с ним сыграли в ту зиму около 200 партий, и, думаю, я выиграл пару раз. Он играл просто превосходно. Настроение у нас было не такое уж и плохое. Нам не нравились холода, но у нас был приказ оставаться там. Выбора у нас не было.

Эпилог – дальнейшая военная биография Рольфа Хертенштайна и его суждения о ВМВ

В 1942 году Хертенштайн стал адъютантом командира батальона и принял участие в летнем наступлении 1942 года на Кавказ и взятии Майкопа. В ходе этих операций он столкнулся с советскими танковыми частями, оснащенными американскими танками M3 General Lee, но они не произвели на него впечатления: он счел их уступающими в своих характеристиках немецким и советским боевым машинам.

Хертенштайн в своих рассказах подчеркивал, что никогда не имел проблем с дисциплиной среди своих подчиненных, потому что его танкисты были его друзьями, и дух товарищества всегда был важен для него: он всегда делал свой офицерский паек с подчиненными... Он с уважением отзывался о боевом духе и стойкости советских солдат, но говорил и о том, что они были значительно хуже оснащены, чем немцы. По его мнению, они были просто менее продвинутойнацией, чем немцы, в индустриальном плане, но их нельзя было назвать унитерменшами. Он отмечал, что сопротивление советских войск становилось все более упорным по мере продвижения немцев на восток. Однажды его часть побывала в окружении, которое продолжалось пять дней, но сумела вырваться из котла. Был эпизод, когда он побывал в советской деревенской школе, где на него большое впечатление произвел учебник по алгебре и по немецкому языку. Вспоминая об этом, он не преминул сказать о том, что даже учебник немецкого языка весь состоял из советской пропаганды. Хертенштайн вспоминал, что между немецкими солдатами и русским гражданским населением были хорошие отношения, но оккупационная администрация занималась тем, что конфисковывала у людей продовольствие и многое другое и этим вызывала у них озлобление.

После Сталинграда он стал сомневаться в том, немцы смогут победить. Его отправили в Германию на курсы командиров рот, где все сильнее стали проявлять себе проблемы со здоровьем. Ему пришлось лечиться от язвы и малярии, к этому добавился аппендицит. Хертенштайн женился и был переведен по состоянию здоровья на «домашний фронт», в Вену, для обучения новичков. Он также прошел подготовку на новой машине Пантера и получил предложение от своего бывшего командира возглавить роту этих танков, но не смог сделать этого из-за болезни. Хертенштайн говорил о том, что это, вероятно, спасло ему жизнь. Его бывший командир вновь отправился на Восточный фронт и погиб под Курском летом 1943 года...

Поправившись после болезни, Хертенштайн добровольно вызвался вернуться в свой полк, находившийся в то время в Румынии. Там он едва не попал в плен, когда его танк внезапно потерял ход в одну из ночей. По его мнению, боевой дух немецких войск в то время оставался высоким. Был момент, когда немцам уже просто не хватало танков, и Хертенштайн и подчиненные ему экипажи были вынуждены сражаться в окопах в оборонительном пехотном бою. Малярия продолжала мучить его, и он был переведен в танковую роту, входившую в батальон личной охраны Гитлера в Восточной Пруссии. После двух самоволок он был возвращен в свою прежнюю дивизию. Хертенштайн вспоминал о том, как был шокирован покушением на Гитлера и тем, что старшие офицеры нарушили присягу: для немца присяга значила очень многое. После Румынии дивизия Хертенштайна оказалась в Венгрии. Здесь он получил звание капитана и был отправлен в Германию для освоения инфракрасного аппарата ночного видения. По дороге в Рейх его поезд попал под бомбажку, в результате чего Хертенштайн получил травму руки.

Снова вернувшись на фронт, он уже понимал, что поражение Германии неизбежно. Его людей снова использовали в качестве пехоты. Судя по всему, он подумывал о том, чтобы дезертировать, но не решился, потому что боялся быть схваченным эсэсовцами или военной полицией и быть повешенным по приговору военно-полевого суда. В плен Хертенштайн попал уже в Берлине. Он узнал по радио о самоубийстве Гитлера и счел этот шаг проявлением трусости...

Первый для Хертенштайна лагерь для военнопленных находился близ Каунаса. Он решил не пытаться бежать с группой солдат и дожидаться освобождения. Тем не

менее, после побега этой группы он провел несколько недель в подвале под арестом. В следующем лагере он прошел через сильный голод, но потом попал в другой лагерь, также близ Каунаса, где военнопленные восстанавливали какой-то завод и где их кормили намного лучше. Со временем отношение к военнопленным улучшилось, по воспоминаниям Хертенштайна, в 1947 году они уже могли получать и отправлять почту. Зимой снова наступил голод (это был голод, охвативший весь СССР – ВК)... Вообще, по его мнению, русские были хорошими людьми, - он даже полюбил русскую музыку. Отношение к эсэсовцам у русских было намного хуже: их идентифицировали по татуировке и содержали отдельно от других немцев. Позднее он был переведен в другой лагерь – под Донецком, но в угольную шахту не попал, поскольку не был физически в состоянии работать в ней. Он вспоминал, что гражданское население тоже страдало от нехватки продуктов питания. В итоге, он был отправлен в Германию, где перебрался в британскую оккупационную зону.

Говоря о войне, он выражал свое отвращение к тем немецким генералам, которые перешли на сторону СССР. В поражении под Сталинградом он обвинял Верховное Командование. Хертенштайн с недоверием относился к предоставляемым советской стороной фактам, свидетельствующим о [масштабах] Холокоста. Сам он говорил о том, что ему лично было известно лишь об одном концлагере – Дахау, где «перевоспитывали коммунистов». С его точки зрения, нападение на СССР было ошибкой.

По его мнению, многие немцы поддерживали Гитлера, потому что он вернул немцам гордость за свою страну, при этом, как он считал, они не знали о его злодеяниях. Он говорил о том, что отношения между Гитлером и армейскими офицерами были напряженными. Солдат злило то, что Гитлер снимал с должностей способных офицеров и сваливал на них свои же ошибки. Они не верили в то, он был великим полководцем, а сражались за Германию, оставаясь верными присяге. Сам Гитлер, по его мнению, потерял связь с реальностью и пытался руководить отдельными частями, не имея понятия о том, в какой ситуации они находятся, не доверяя генералам и полагаясь на людей с небольшим военным опытом, таких, как Гиммлер. Бывший танкист считал справедливым наказания, которые понесли те, кто участвовал в Холокосте, но воспринимал как оскорбление для себя то, что наказание понесли германские офицеры, выполнявшие приказы. Он спрашивал, стали бы американские, британские или французские офицеры поступать по-другому.

Комментарий переводчика: Излагаемые Хертенштайном взгляды на историю Германии и ВМВ являются довольно стандартными для тех немцев, кто воевал на разных фронтах. При этом он, как это было распространено среди немецких ветеранов, сожалел о том, что Германия не вторглась в Великобритания в 1940 году и связывал поражение во ВМВ с некомпетентностью Гитлера и с его отношением к своим генералам.

Интервью - Robert Mulcahy

<https://www.historynet.com/interview-with-rolf-hertenstein-a-world-war-ii-panzerman-in-poland-and-france/>

<https://www.historynet.com/remembering-barbarossa/>

http://coph.fullerton.edu/collections/OHP_75_GermanExperiences_Finding%20Aid.pdf

Перевод, компиляция, комментарии – Владимир Крупник

Возрат к главной странице www.warsstory.org